

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 173–180
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 173–180
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-173-180>, EDN: RMHSKL

Научная статья
УДК [338.45:622.331:331.101.6](470.345+470.40+470.43)|193|

Стахановцы торфяной промышленности 1930-х годов: вариант ответа на модернизационный вызов эпохи

Е. В. Воейков

Пензенский государственный педагогический институт им. В. Г. Белинского Пензенского государственного университета, Россия, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

Воейков Евгений Владимирович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России и методики преподавания истории, evgenijvoeikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3971-8960>, Author ID: 289593

Аннотация. В статье исследуется развитие стахановского движения в торфяной промышленности СССР на примере централизованных торфяных хозяйств Главторфа и торфоразработок отдельных промышленных предприятий и трестов на территории Куйбышевской, Пензенской областей и Мордовской АССР в годы довоенных пятилеток. Источниковой базой статьи послужили фонды Российского государственного архива экономики, региональных архивохранилищ Пензенской, Самарской областей и Республики Мордовия, статьи специалистов торфяного дела, автобиографическая брошюра ударника производства Николая Зезюлина. В отличие от других отраслей промышленности, по которым историки отмечают рост аварийности, специфика работы стахановцев на торфодобывающих машинах проявлялась в предотвращении поломок и усовершенствовании оборудования. В торфяной промышленности на общесоюзном и региональном уровнях имело место сочетание материальных и моральных факторов стимулирования стахановского движения.

Ключевые слова: стахановцы, торфяные хозяйства, Главторф, торфоразработки, гидроторф, материальные и моральные факторы

Для цитирования: Воейков Е. В. Стахановцы торфяной промышленности 1930-х годов: вариант ответа на модернизационный вызов эпохи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 2. С. 173–180. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-173-180>, EDN: RMHSKL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The Stakhanovites of the peat industry of the 1930s: An answer to the modernization challenge of the era

E. V. Voeikov

Penza State Pedagogical Institute named after V. G. Belinsky Penza State University, 40 Krasnaya St., Penza 440026, Russia

Evgeniy V. Voeikov, evgenijvoeikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3971-8960>, Author ID: 289593

Abstract. The article examines the development of the Stakhanov movement in the peat industry of the USSR on the example of centralized peat farms of Glavtorf and peat processing of individual industrial enterprises and trusts in the territory of the Kuibyshev, Penza regions and the Mordovian ASSR during the pre-war five-year plans. The source base of the article was the funds of the Russian State Archive of Economics, regional archives of the Penza, Samara regions and the Republic of Mordovia, articles by peat specialists, an autobiographical brochure by the drummer Nikolai Zezyulin. Unlike other industries, for which historians have noted an increase in accidents, the specifics of the work of Stakhanovites on peat-mining machines were manifested in the prevention of breakdowns and improvement of equipment. In the peat industry at the all-Union and regional levels, there was a combination of material and moral factors stimulating the Stakhanov movement.

Keywords: stakhanovites, peat farms, Glavtorf, peat processing, hydrotorf, material and moral factors

For citation: Voeikov E. V. The Stakhanovites of the peat industry of the 1930s: An answer to the modernization challenge of the era. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 2, pp. 173–180 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-2-173-180>, EDN: RMHSKL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Стахановское движение представляет собой интереснейший феномен общества СССР периода предвоенной модернизации. На этапе изучения истории довоенной индустриализации СССР в 1960–1980-е гг. среди историков утвердился односторонний взгляд на данный аспект

темы. Так, известный специалист по индустриальной истории Поволжья Н. А. Шарошкин отмечал, что «не все работы отличаются широтой источниковой базы, их недостатком является сосредоточение внимания преимущественно на положительных сторонах трудового соперничества

и умалчивание о негативных явлениях в ходе его развития» [1, с. 12].

В XXI в. в историографии наметилась тенденция более всестороннего рассмотрения данного явления с показом как положительных, так и отрицательных сторон. В частности, историки С. В. Журавлев, М. Ю. Мухин, А. М. Маркевич, А. К. Соколов при разработке проекта «Мотивация труда в российской промышленности» на примере московских предприятий глубоко и всесторонне изучили различные аспекты деятельности рабочих, включая и стахановское движение [2, с. 115–124; 3, с. 151–153]. Исследовалась данная тема и на примере железнодорожного транспорта Поволжья [4, с. 1122–1127]. И. П. Климов при изучении истории транспорта Урала в 1920–1930-е гг. отметил как достоинства, так и отрицательные последствия работы стахановцев [5, с. 44–56]. Неоднократно обращался к данной теме известный специалист по индустриальной истории Урала М. А. Фельдман [6, с. 3–19]. Ряд слабо исследованных в научной литературе особенностей стахановского движения на примере Кировской края 1930-х гг. выделил историк П. А. Чемоданов [7].

По убеждению автора данной статьи, стахановское движение не могло быть одинаковым и однородным как в существенно отличающихся друг от друга отраслях промышленности, так и в различных частях страны с неодинаковым уровнем промышленной базы и трудовыми ресурсами. В данной статье рассмотрены только отдельные стороны производственной деятельности стахановцев торфяной промышленности России, которая оказалась незаслуженно забытой отечественными историками, исследующими экономическое развитие СССР. Имеются лишь публикации по отдельным регионам [8, с. 37–46; 9, с. 123–127]. В период нэпа добыча торфа в СССР оставалась на уровне 2,4–2,7 млн т. Возникший в годы довоенной индустриализации топливный дефицит обусловил повышенный интерес к данному виду топлива. В 1937 г. торфодобыча вышла на уровень 25 млн т, в 1940 г. – 33,2 млн т [10, с. 17; 11, с. 35]. На торфе работали многие электростанции страны: Шатурская и им. Классона в Московской области, Ярославская, Иваново-Вознесенская, Горьковская. В топливном балансе Ивановской области в 1936 г. торф занимал 34,5%, для электростанций – 100%; для Белорусской ССР эти показатели составили 41% и 100%, для Московской области – 19,2% и 37,5% [12, с. 5].

Стахановское движение в данной статье исследовано на примере двух типов торфяных хозяйств. Во-первых, рассмотрены крупные централизованные торфяные хозяйства созданного в 1933 г. на базе бывшего Союзторфа ВСНХ Главторфа Наркомата тяжелой промышленности СССР. В состав Главторфа входили

Московско-Калининский, Западный, Ленинградский, Орехово-Зуевский, Шатурский, Ивановский, Горьковский, Чернораменский, Ярославский, Уральский тресты [13, л. 3]. Во-вторых, привлечен материал по многочисленным мелким децентрализованным торфоразработкам, являвшимся подсобными хозяйствами отдельных промышленных предприятий и трестов, на примере Среднего Поволжья, рассмотренного в территориальных рамках образованного в 1929 г. Средне-Волжского (с 1935 г. – Куйбышевского) края, на основе которого во второй половине 1930-х гг. были созданы Куйбышевская, Пензенская области и Мордовская АССР.

В Среднем Поволжье добычу торфа вели спириттресты, три районных торфяных управления (РТУ) для снабжения суконных фабрик, стекольные заводы, предприятия пищевой промышленности. В Мордовской АССР во второй пятилетке мелкие торфоразработки отдельных предприятий были объединены в Мордовский торфяной трест Наркомата местной промышленности, включавший Александровское, Кендянское, Пермисское, Чамзинское, Чумартовское, Шингаринское торфяные хозяйства.

Ограниченные рамки статьи не позволяют подробно рассмотреть все аспекты стахановского движения в выбранной отрасли промышленности, поэтому основное внимание сосредоточено на использовании ударниками производства механического оборудования, проблеме производства бракованной продукции и сочетании материальных и моральных стимулов перевыполнения норм.

Развернувшееся по всей стране движение за перевыполнение производственных норм активно внедрялось и в торфяной промышленности. По системе Главторфа известными стахановцами были Н. А. Зезюлин (Шатурский трест), С. Е. Канарейкин (Орехово-Зуевский трест), Ф. С. Климанов (Калининский трест), В. К. Большаков (торфопредприятие им. Классона), И. А. Киселев (Ивановский трест), И. П. Бочкарев (предприятие «Монетное» Уральского треста) [14, с. 26; 15, с. 3–5; 16, с. 3–5; 17, с. 22–23]. Биография Николая Зезюлина хорошо иллюстрирует карьерный рост инициативных рабочих торфяной промышленности. Начав в 1920-е гг. на Шатурских торфоразработках Московской губернии с простого рабочего, в начале 1930-х гг. он возглавил бригаду, в результате внедрения повышающих производительность труда методов работы стал стахановцем, а после окончания специальных курсов в 1936 г. – руководителем бригады гидроторфа. В 1937 г. Н. А. Зезюлин был награжден орденом Трудового Красного знамени [17, с. 22].

Некоторые историки отмечают рост поломок техники вследствие работы ударников производства. Так, например, А. М. Маркевич и А. К. Соколов по результатам исследования работы московского металлургического завода

«Серп и молот» констатировали: «Стахановская работа вела к быстрому износу оборудования» [3, с. 152]. Аналогичное явление на Электрокомбинате отмечали С. В. Журавлев и М. Ю. Мухин [2, с. 124]. Увеличение травматизма и брака на военных и металлургических заводах Урала как результат стахановских смен констатировали С. П. Постников и М. А. Фельдман [18, с. 74]. Исследователь лесной промышленности И. В. Зыкин указывал, что на лесокосбинатах «работники не успевали обслуживать агрегаты и механизмы, выполнять полный объем работы», что «приводило к поломкам дорогой техники» [19, с. 226]. Подобные явления в металлургии, машиностроении и на лесозаводах вполне объяснимы с учетом того, что стахановцам рекомендовалась многостаночная работа, повышение скоростей обработки деталей на станках, совмещение нескольких операций в одной [20]. Эти методы могли успешно применять далеко не все рабочие, требовались и их многолетний опыт, и некий минимум технической грамотности.

Рассмотрим работу стахановцев на механическом оборудовании в торфяной промышленности. Главной причиной поломок механизмов на торфоразработках следует считать низкое качество выпускаемой в СССР техники, что неоднократно отмечалось специалистами того времени [21, с. 15; 22, с. 2]. Еще одной причиной выхода из строя машин для торфодобычи был постоянный недостаток запчастей. Например, на Кендянской и Шингаринской¹ торфоразработках Мордовской АССР простои агрегатов в сезоне 1939 г. объяснялись недостатком запчастей и некачественным ремонтом [23, л. 80; 24, л. 62; 25, л. 20]. Можно утверждать, что торфяные машины ломались бы и простаивали в ожидании ремонта независимо от наличия или отсутствия стахановцев.

В выводе из строя техники нельзя отрицать и человеческий фактор. Работник торфопредприятия Васильевский Мох² Московско-Калининского треста вспоминал: «Мы не знали названия деталей машины, отчего затруднялось общение со слесарями, техниками и инженерами. Плохо знали передвижку и установку машины...» [26, с. 39]. В силу сложности технического устройства элеваторных машин³ и аппаратов гидроторфа⁴ успешно добывать торф на них могли только люди, уже имеющие опыт работы с такими механизмами в прошлые годы или прошедшие специальные курсы. Так, в годовом отчете Горьковского торфотреста за 1933 г. в качестве причины невыполнения плана назывался «острый недостаток рабочих по машинно-формовочному способу», также указывалось, что «механические простои на большом гидроторфе объясняются медленным освоением нового способа» [13, л. 8 об., 10 об.].

На предприятиях Главторфа стали практиковать организацию специальных курсов повы-

шения квалификации. На уже упоминавшемся торфопредприятии Васильевский Мох в сезоне 1934 г. было проведено обучение 66 бригад торфяников и 54 бригад торфяниц. В результате, как отмечалось в журнальной заметке, лучшие по учебе стали лучшими и на производстве. Например, бригада Ф. Климанова выполнила сезонное задание на 201%, еще четыре бригады превысили показатель 170%, две – показатель 150% [26, с. 39]. Сохранились и другие примеры успешной работы механизмов, эксплуатируемых стахановцами торфяной промышленности. Иван Киселев на Второвском предприятии⁵ Ивановского торфотреста в 1935 г. выполнил со своей бригадой на элеваторной машине план сезонной добычи на 228%. Этих результатов И. А. Киселев добился «в результате полного овладения техникой – прошел на «отлично» курсы по техучебе бригадиров при Главторфе» [14, с. 26].

Руководитель Главторфа А. Ф. Баусин, анализируя итоги работы в 1938 г., остановился на проблемах в работе механического оборудования: «Не один мотор торфососного крана был затоплен в гидромассе (Назия, Шатура); кран № 72 (Марково) был завален в карьер из-за неподготовленности настила; пеньевой кран на Писцовском предприятии был завален в карьер» [27, с. 4].

Каков вклад в описанный процесс неправильного применения техники именно передовиков производства? Публикации в журнале Главторфа сохранили важные подробности о стахановских методах работы, которые зачастую отсутствуют в отложившихся в архивах отчетах о работе торфяных хозяйств. Например, бригадир-стахановец торфопредприятия им. Классона⁶ Василий Большаков зимой 1937–1938 гг. остался на своем производственном участке, чтобы принять участие в ремонте оборудования для гидроторфяного способа добычи: «Он сам монтировал массопроводные трубы, забивал сваи для своего крана... следил и давал указания мотористам, электрикам, слесарям, которые монтировали его кран» [15, с. 3–4]. В том же 1938 г. бригадир крана гидроторфа Октябрьского предприятия Чернораменского треста⁷ И. А. Андреев выходил на работу за час или полчаса до начала работы смены: «Обходил все гидромониторы и узнавал у сменного слесаря состояние гидромониторов, торфососа и насосной... Все замеченные недостатки немедленно устранялись» [28, с. 14–15]. Правоммерно задать вопрос: похожи ли бригадиры-стахановцы В. Большаков или И. Андреев на людей, способных утопить мотор крана или сам кран в карьере?

Руководитель Главторфа А. Ф. Баусин в своей статье об итогах работы в 1938 г. указывал на еще один вариант аварий на торфоразработках: «А ведь для производственников не секрет, что разрыв, например, в транзитном массопроводе одной трубы выводит из строя в большинстве

случаев целую группу кранов. Это особенно наблюдалось в начале сезона на предприятиях Орехова, Шатуры, Тесове, Ситниках» [27, с. 4]. А вот как, например, работала в том же году стахановская бригада Григория Зарубина на предприятии «Туголесский Бор»⁸. Сначала двое рабочих бригады отправлялись проконтролировать, чтобы трубы нигде не проседали и не искривлялись. Когда же начинался ход по трубопроводу жидкой торфяной массы, уже три пары рабочих отправлялись вдоль трубы предупреждать аварии [29, с. 4]. В данном случае анализ методов работы стахановцев торфяной промышленности явно свидетельствует о том, что именно ударники производства заботились о безаварийной работе торфяных машин.

По торфяной промышленности сохранились примеры, когда стахановцы способствовали более эффективной работе механизмов. Стахановец Писцовского торфопредприятия⁹ Н. Е. Ермишин в 1938 г. вместе со своими товарищами усовершенствовали формующую торфяные кирпичи гусеницу при гидроторфяном способе добычи. Деревянные части они заменили на железные, изменив их форму, что позволило увеличить глубину проникновения в торфяную массу. Кроме того, как отмечал стахановец, «мотор гусеницы «Коммунар» мы заменили мотором ХТЗ, который имеет большее число оборотов, поэтому скорость гусеницы увеличилась». При этом Н. Е. Ермишин подчеркивал: «Аварии формующей гусеницы были нами совершенно ликвидированы» [28, с. 11].

В Красно-Октябрьском РТУ¹⁰, по данным отчета 1939 г., две из пяти имеющихся торфяных машин эксплуатировались уже 20 и 40 лет, остальные три – 12 и 15 лет [30, л. 30–30 об.]. В сезонах 1937–1938 гг. при дефиците «стандартных запасных частей» было организовано их изготовление «кустарным способом» [31, л. 175; 32, л. 4]. В 1935 и 1937 гг. бригада П. А. Зачёсова Красно-Октябрьского РТУ добилась результатов 140% и 143% на машинной добыче торфа [33, л. 70 об. – 71; 34, л. 130]. В сезоне 1939 г. в данном РТУ четыре стахановские бригады на тех самых изношенных элеваторных установках показали результаты 131%, 123%, 110% и 110% [30, л. 33]. Сопоставив эти факты, можно утверждать, что как раз передовики производства и являлись наряду с несколькими штатными механиками РТУ теми умельцами, которые ухитрялись оживить «убитые» десятилетиями интенсивной эксплуатации механизмы.

Одним из обвинений стахановцев, которое содержится в работах некоторых историков, был выпуск бракованной продукции, в частности в оборонной промышленности, особенно во время стахановских месячников. В торфяной промышленности СССР производство бракованной продукции в годы довоенных пятилеток имело место в разных регионах. Например, низкое качество заготовленного с нарушением технологии

торфяного топлива фиксировалось в Московской области, Нижегородском и Средне-Волжском краях в 1931–1933 гг. В Саратовской области и Татарской АССР заготовленный торф в отдельных случаях не горел и списывался как негодный в 1938–1940 гг. В Пензе на фабрике «Маяк революции» низкокачественный торф плохо горел в топках и в 1936, и в 1940 гг. [35, с. 294–295]. Однако при этом никаких упоминаний о причастности именно стахановцев к производству бракованного торфяного топлива в архивных документах и материалах периодической печати 1930-х гг. за много лет исследовательской работы автору данной статьи обнаружить не удалось. Кроме того, значительное количество упоминаний о низкокачественном торфе встречается за период 1931–1933 гг., когда стахановского движения еще не было.

Предвидя возражения, что торфяная промышленность имеет свою специфику, следует отметить, что не все так однозначно и применительно к оборонной промышленности. Хотелось бы привести пример по выпуску взрывателей на Трубочном заводе г. Пензы периода нэпа. 20 сентября 1926 г. из тысячи поданных для сборки деталей дистанционной трубки «оказалось негодными» 790 штук; 21 сентября из 1282–782 [36, л. 419]. 790 бракованных изделий из 1000 составляют 79%, 782 из 1282–61%, но в 1926 г. никаких стахановцев и стахановских месячников еще не было. В сводке губернского ГПУ в июне 1923 г. причина недоброкачественности трубок Пензенского Трубочного завода объяснялась тем, что их сборка производилась «неопытными спецами» [37, л. 274 об.]. Может быть, на военных заводах высокий процент брака обеспечили не перевыполняющие нормы ударники производства, а как раз малоквалифицированные и недисциплинированные рабочие.

Представляет интерес исследование вопроса о сочетании моральных и материальных стимулов в работе стахановцев торфяной промышленности.

Для крестьян, пришедших на торфоразработки, вопросы зарплаты и питания имели очень важное значение. Стахановец Шатурских торфоразработок Н. А. Зезюлин, вспомнив, как бережно относился к своим сапогам его отец-крестьянин, носивший свою обувь 20 лет, с гордостью отмечал: «У меня есть теперь и сапоги, и ботинки, и костюм... Прекрасные обед и ужин. Живем в комнатах, где есть занавески, и зеркала» [38, с. 9].

Помимо повышенной зарплаты, распространенным явлением становилось награждение ударников производства премиями. Например, по итогам сезона 1935 г. стахановцы-торфяники Куйбышевского края и Мордовской АССР получили восемь всесоюзных премий за участие в конкурсе на лучшую бригаду [33, л. 71]. Важным стимулом был и доступ к дефицитным

товарам. Н. А. Зезюлин похвастался в своем выступлении на Всесоюзном совещании стахановцев в ноябре 1935 г., что его премировали патефоном [39, с. 356]. В Красно-Октябрьском РТУ при норме 6 м ткани на человека стахановцам разрешили приобрести по 10–15 м [40, л. 32]. На конференции профсоюза торфяников Куйбышевской области в 1937 г. приводился пример работающей на торфоразработках с 1934 г. колхозницы, которая за перевыполнение норм была премирована швейной машинкой [41, л. 3, 8].

В отчете руководителя Главторфа А. Ф. Баусина указывалось, что в 1938 г. впервые в санаториях и домах отдыха Крыма, Кавказа появились рабочие-торфяники, направленные туда на отдых и лечение [27, с. 3], в 1937 г. на Гимовском участке Ульяновского районного торфоуправления (РТУ)¹¹. 30 стахановцам и ударникам за счет предприятия организовали посещение театра, кино, ресторана. Их также наградили денежными премиями. В том же сезоне в Барышском РТУ¹² 33 ударникам дали путевки в дом отдыха; здесь же был построен дом для стахановцев на 5 квартир [42, л. 10, 16].

Авторы современных научных работ, рассматривающих стахановское движение, склонны отдавать предпочтение материальным факторам стимулирования творческой активности стахановцев 1930-х гг. [2, с. 136–137; 18, с. 84, 87–88]. Не отрицая важной роли денежных премий, дефицитных товаров и улучшения жилищных условий, нельзя забывать о значительной роли моральных факторов стимулирования стахановского движения именно применительно к торфяной промышленности. Все приведенные примеры наградений и поощрений наряду с показателем заботы государства о лучших рабочих могут быть интерпретированы также и как свидетельство того, что квартиры, крупные денежные премии, путевки в дома отдыха и санатории выделялись узкому кругу лиц. Основной массе рабочих, перевыполняющих нормы по добыче торфа, доставались только улучшенное питание в столовых, повышенная зарплата и увеличенные нормы покупки дефицитных промтоваров, если они завозились на данный участок. Например, на пленуме Куйбышевского крайкома торфяников в феврале 1936 г. приводилась информация, согласно которой стахановцев на учете состояло 70 чел., ударников – 500 чел.¹³ В качестве поощрения эти лучшие работники предприятий получили 8 премий за победу в конкурсе, 27 чел. – квартиры и еще 170 был сделан ремонт за счет предприятия и бесплатно подвезено топливо [33, л. 70 об. – 71]. Таким образом, из 570 чел., перевыполняющих нормы, существенные материальные поощрения коснулись менее половины передовиков производства.

В крупных хозяйствах трестов Главторфа было больше возможностей обеспечить улучшенное материальное положение ударников произ-

водства по сравнению с мелкими торфоразработками Поволжья. Однако полностью оградить стахановцев от характерных для бытовой сферы 1930-х гг. некачественных обедов в столовых, грязи в общежитиях, проблем медобслуживания, дефицита промтоваров, отсутствия или недостатков культурного досуга было нереально [43, с. 2–3; 44, с. 9]. Значит, с учетом тяжелых условий труда на торфоразработках интенсивный труд стахановцев должен был компенсироваться и стимулироваться в значительной степени еще и комплексом мер морального поощрения.

В 1930-е гг. награждение почетными грамотами и значками обычно производилось в торжественной обстановке в присутствии руководства предприятия и трудового коллектива. В 1938 г. стахановцы торфяных хозяйств Главторфа, например, водитель Н. Е. Ермишин, бригадир на сушилке М. М. Пахомова, инженер В. В. Покаместов были награждены почетными грамотами и значком наркома тяжелой промышленности [27, с. 3]. На торфоразработках Поволжья по итогам сезона 1935 г. бригадир Красно-Октябрьского РТУ П. А. Зачесову была вручена почетная грамота на слете стахановцев Городищенского района [45, л. 82]. Две бригады Шингаринских торфоразработок Мордовской АССР за перевыполнение норм в сезоне 1940 г. были отмечены почетными грамотами Наркомата электростанций [46].

Представляется, что при анализе стахановского движения зачастую не учитывается важный аспект, связанный с повышением культурного уровня и творческим развитием личности рабочего. Н. А. Зезюлин вспоминал: «Первый раз, когда я приехал на Шатуру, то весь интерес был, чтобы денег побольше заработать. А потом, кажется, и даром бы поехал на свои Шатурские болота... Я ведь только два класса сельской школы окончил... Прошло некоторое время, и сам себя не узнаю. И писать уже умею, и считать умею, и о странах, какие в мире существуют, знаю... Что касается нас – молодежи, то нам с болота домой и возвращаться не хотелось... Привыкли. Все нам интересно... Организовали красный уголок, хоровой кружок, драматический кружок... Этого в деревне никогда не было» [38, с. 4–5].

Участие передовых ударников производства в различных совещаниях, съездах стахановцев, курсах повышения квалификации при систематическом повторении приводило к качественному личностному росту, существенному расширению прежде ограниченного узкими рамками своей деревни или промпредприятия кругозора, смене нравственных установок и приоритетов. В качестве подтверждения можно привести впечатления стахановца от подобных мероприятий: «Что у меня раньше было? Какие события? Какие интересы? Да никаких решительно... Теперь же могу сказать – было в моей жизни не только интересное, но и великое событие. Я выступал

на Всесоюзном совещании стахановцев... Видел и слышал я на этом совещании вождей нашей партии. Видел рабочих других отраслей промышленности, разговаривал с ними. Слышанное ли это дело! Куда поднялся простой крестьянин Николай Анисимович Зезюлин!» [38, с. 9–10].

К аналогичному заключению о значении участия передовиков производства «в торжественных мероприятиях» приходит современный исследователь стахановского движения Кировской области П. А. Чемоданов: «Это могли быть партийные и комсомольские отчетно-выборные конференции, профессиональные слёты, производственные совещания и т. д. На подобных мероприятиях стахановцы получали возможность лишний раз подчеркнуть свой статус» [7, с. 136].

Указанный историк выделяет еще одну черту стахановского движения: «В контексте изучаемой темы весьма существенно то обстоятельство, что большинство промышленных рабочих Советского Союза того времени были родом из деревни... Что же касается крестьянской ментальности, то ее основные черты хорошо изучены и известны: патриархальность, коллективизм, приверженность «общему делу» [47, с. 191]. В торфяной промышленности Поволжья сохранявшиеся у сельского населения традиционные установки на взаимопомощь и сильное влияние на поведение общественного мнения также могли при определенных обстоятельствах стимулировать трудовую активность. Показателем в этом отношении рассказ торфяника Барышского РТУ Волкова, которому стало стыдно плохо работать перед находящимся на том же участке родственником: «Он старик, а норму выполняет и мне хочет помочь... Я молодой и здоровый, неужели не справлюсь...» [33, л. 121 об.]. В результате деревенский парень в стремлении оказаться не хуже родственника стал стахановцем. Перевыполнение норм выработки торфяниками, находящимися в родственных отношениях, было не таким уж редким явлением на торфоразработках Поволжья. Так, на Репьевских торфоразработках¹⁴ в 1934 г. среди ударников была семейная пара – Никифор и Екатерина Акимовы [48]. В 1940 г. на Александровском¹⁵ торфопредприятии ударниками являлись Макаров Иван Яковлевич и Макаров Яков Иванович [49, л. 5].

Подводя итоги рассмотренной в статье теме стахановского движения в торфяной промышленности 1930-х гг., можно констатировать, что передовики производства являлись наиболее квалифицированными пользователями механического оборудования. Данных о повышении уровня аварий машин за счет стахановских рекордов применительно к хозяйствам Главторфа и торфоразработкам Среднего Поволжья в исследованных источниках обнаружить не удалось. Труд стахановцев в торфяной промышленности стимулировался сочетанием материальных

и моральных факторов. При этом применительно к данной отрасли нет оснований преуменьшать значение нематериальных стимулов. Также в отдельных случаях стахановцы торфоразработок Поволжья в борьбе за выполнение плановых заданий проявляли черты традиционной крестьянской психологии.

Несмотря на отдельные негативные стороны стахановского движения, современные исследователи данной темы не могут не отдать дань уважения людям, совершавшим трудовые подвиги во имя абстрактной идеи светлого будущего. В частности, саратовский историк В. А. Чолахян, специализирующийся на изучении индустриализации Нижнего Поволжья, отметил интересную закономерность: «Начатый в годы первых пятилеток процесс форсированной индустриализации воспринимался многими людьми как воплощение их собственных мечтаний о новой жизни. С этим был связан массовый энтузиазм на промышленных стройках» [50, с. 104].

Каждая из поставленных в данном исследовании проблем требует дальнейшего углубленного исследования стахановского движения в различных отраслях промышленности с выделением региональной специфики. Намечившаяся в последние десятилетия в отечественной историографии тенденция к пересмотру оценок стахановского движения со сменой знаков «плюс» на «минус» никак не может рассматриваться в качестве положительной тенденции.

Представляется, что стахановское движение в торфяной промышленности стало своеобразным проявлением традиционных качеств русского народа: трудолюбия, бескорыстия, взаимовыручки и нестандартного мышления. Именно с этим связаны и сам феномен добровольного порыва части рабочих к перевыполнению норм, и значительная роль моральных стимулов для рабочих торфяной промышленности, и творческие решения при ремонте и усовершенствовании механизмов. Можно утверждать, что стахановское движение явилось своеобразным ответом русского общества на вызов эпохи довоенных пятилетки и отразило в себе все достижения и сложности процесса предвоенной модернизации.

Примечания

¹ Кендя – населенный пункт в Ичалковском районе, Шингарино – населенный пункт в Ковылкинском районе современной Республики Мордовия.

² Населенный пункт Васильевский Мох расположен в Калининском районе современной Тверской области.

³ В элеваторной машине на наклонный желоб (элеватор) специальные рабочие кидали торф, который передавался в пресс машины. Далее на выходе рабочие резаками формовали торфяные кирпичи.

⁴ Гидравлический способ добычи (гидроторф) был изобретен в России. При данном способе торфяная залежь

- размывалась в карьере сильной струей воды, затем выкачивалась специальным торфососом и по трубам заливалась на подготовленную площадку тонким слоем. После частичного высыхания торфяная масса формовалась в торфокирпичи.
- ⁵ Второвское торфопредприятие находилось в районе железнодорожной станции Второво Ивановской области (станция и населенный пункт в Камешковском районе современной Владимирской области).
 - ⁶ Предприятие входило в состав Орехово-Зуевского треста Главторфа, находилось в населенном пункте Павловский Посад Московской области.
 - ⁷ Чернораменский трест Главторфа находился в районе населенного пункта Гидроторф Балахнинского района современной Нижегородской области.
 - ⁸ Туголесский Бор – поселок в городском округе Шатура современной Московской области.
 - ⁹ Входило в состав Ивгосторфа, располагалось в поселке Архангел (в настоящее время населенные пункты Писцово и Архангел расположены в Комсомольском районе Ивановской области).
 - ¹⁰ Красно-Октябрьское РТУ было создано в 1932 г. и вело заготовку торфа для суконных фабрик «Красный Октябрь», «Коллективное творчество», «Творец рабочий» и «Мир хижинам». С 1939 г. находилось на территории образованной Пензенской области.
 - ¹¹ Ульяновское РТУ осуществляло заготовки для группы текстильных фабрик Средне-Волжского края и Куйбышевской области. В конце 1930-х гг. оно состояло из Вьюнковского, Гимовского, Калининского и Муловского участков.
 - ¹² Барышское РТУ было образовано в 1931 г. в одноименном районе Средне-Волжского края (территория современной Ульяновской области). Включало Бутырские, Вителевские, Жадово-Павловские, Гурьевские, Измайловские торфоразработки, снабжавшие топливом целую группу суконных фабрик.
 - ¹³ В отдельных случаях в документах периода второй–третьей пятилеток ударниками назывались рабочие, выполнявшие от 101% до 150% нормы, стахановцами – свыше 150%.
 - ¹⁴ Находились на другом берегу Волги напротив Ульяновска. Добычу на данном месторождении в этом году осуществлял Ульяновский городской топливный трест (гортоп).
 - ¹⁵ Александровское хозяйство располагалось в одноименном населенном пункте южнее Ковылкино – современный райцентр Республики Мордовия.
- заводе «Серп и молот», 1883–2001. М. : РОССПЭН, 2005. 368 с.
4. Кузьмина Т. Н., Шарошкин Н. А. Трудовая активность железнодорожников в годы второй пятилетки. 1933–1937 (по материалам Поволжья) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 1122–1127.
 5. Климов И. П. Из истории стахановского движения на автотранспорте Урала в годы довоенных пятилеток // Новый исторический вестник. 2019. № 3 (61). С. 44–56.
 6. Фельдман М. А. Место стахановского движения в предвоенной советской истории // Вопросы истории. 2015. № 8. С. 3–19.
 7. Чемоданов П. А. Стахановское движение в экономической и социокультурной жизни советской провинции в 1935–1941 годах (на материалах Кировской области). Киров : ИД «Герценка», 2019. 224 с.
 8. Пиксайкин В. К. Добыча торфа предприятиями местной топливной промышленности Мордовской АССР в 1940–1990-е гг. // Экономическая история. 2011. № 3. С. 37–46.
 9. Родионов Н. Я. Государственная политика в сфере выявления и использования топливно-сырьевых источников на Урале (1920–1930-е гг.) // Социум и власть. 2013. № 6 (44). С. 123–127.
 10. Раевский Д. П. Торфяная промышленность в цифрах за 20 лет // За торфяную индустрию. 1937. № 10–11. С. 17–20.
 11. 40 лет торфяной промышленности СССР / под ред. А. Ф. Баусина. М. ; Л. : Государственное энергетическое издательство, 1957. 296 с.
 12. Баусин А. Ф. Торфяная промышленность в третьем пятилетии // За торфяную индустрию. 1939. № 4–5. С. 5–6.
 13. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 758 (Главторф, Цуторф, Госторф, Союзторф ВСНХ. 1918–1933). Оп. 1. Д. 802.
 14. Гзелишвили М. В. О лучших людях торфяной промышленности // За торфяную индустрию. 1936. № 7. С. 25–27.
 15. Знатные люди торфяной промышленности // За торфяную индустрию. 1938. № 7. С. 3–6.
 16. Школьников Я. А. Знатные люди торфа // Торфяное дело. 1934. № 8. С. 3–5.
 17. Шлыков Б. Е., Школьников Я. А. Множить ряды стахановцев // За торфяную индустрию. 1937. № 10–11. С. 20–23.
 18. Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М. : РОССПЭН, 2009. 367 с.
 19. Зыкин И. В. «Зеленое золото» индустриализации: Лесопромышленный комплекс Уральского региона в конце 1929 г. – первой половине 1941 г. Екатеринбург : ООО Универсальная типография «Альфа Принт», 2021. 303 с.
 20. Грановский Е. Стахановское движение и технический прогресс // Правда. 1939. 30 окт.

Список литературы

1. Кузьмина Т. Н., Шарошкин Н. А. Индустриальное развитие Поволжья. 1928 – июнь 1941 гг.: достижения, издержки, уроки. Пенза : ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2005. 604 с.
2. Журавлёв С. В., Мухин М. Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 240 с.
3. Маркевич А. М., Соколов А. К. «Магнитка» близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском

21. Латсон И. Торфяное машиностроение // За торфяную индустрию. 1940. № 3. С. 15–17.
22. Шмидт Я. П. Решения пленума ЦК партии – программа боевых действий // За торфяную индустрию. 1937. № 4. С. 1–5.
23. Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее – ЦГАРМ). Ф. Р. 662 (Управление народно-хозяйственного учета при СНК МАССР. 1934–1940). Оп. 4. Д. 124.
24. ЦГАРМ. Ф. Р. 662. Оп. 4. Д. 130.
25. ЦГАРМ. Ф. Р. 662. Оп. 4. Д. 300.
26. Серов И. А. Дать техминимум рабочим с начала сезона. Опыт на торфопредприятии Васильевский Мох в сезоне 1934 г. // За торфяную индустрию. 1935. № 6. С. 39–40.
27. Баусин А. Ф. Итоги работы торфяной промышленности в 1938 г. и задачи на 1939 г. // За торфяную индустрию. 1939. № 3. С. 3–7.
28. Стахановцы о своей работе // За торфяную индустрию. 1938. № 11. С. 11–20.
29. А. К. Опыт работы передовых стахановцев сделать достоянием отстающих бригад // За торфяную индустрию. 1938. № 10. С. 3–6.
30. Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. Р. 2394 (Управление народно-хозяйственного учета Пензенской области. 1930–1940). Оп. 1. Д. 1233.
31. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А. 374 (Центральное статистическое управление РСФСР при Совете Министров РСФСР. 1927–1991). Оп. 15. Д. 1894.
32. ГАПО. Ф. Р. 2394. Оп. 1. Д. 847.
33. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее – СОГАСПИ). Ф. 9391 (Средне-Волжский (Куйбышевский) краевой (областной) комитет профсоюзов рабочих торфяной промышленности. 1931–1939). Оп. 6. Д. 22.
34. СОГАСПИ. Ф. 9391. Оп. 8. Д. 23.
35. Воейков Е. В. Торфяная и сланцевая промышленность Поволжья. 1930–1941 гг. Самара : Издательство Самарского научного центра РАН, 2011. 404 с.
36. ГАПО. Ф. Р. 2 (Исполнительный комитет Пензенского губернского Совета рабочих крестьянских и красноармейских депутатов. 1917–1932). Оп. 4. Д. 226.
37. ГАПО. Ф. Р. 2. Оп. 4. Д. 200.
38. Зезюлин Н. Моя жизнь – моя работа. М. ; Л. : ОНТИ НКТП, 1935. 16 с.
39. Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц стахановцев 14–17 ноября 1935 г. Стенографический отчет. М. : Партиздат, 1935. 382 с.
40. СОГАСПИ. Ф. 9391. Оп. 5. Д. 7.
41. СОГАСПИ. Ф. 9391. Оп. 7. Д. 9.
42. СОГАСПИ. Ф. 9391. Оп. 7. Д. 8.
43. Выше темпы добычи и сушки торфа // За торфяную индустрию. 1938. № 7. С. 1–3.
44. Совещание работников торфяной промышленности // За торфяную индустрию. 1938. № 3. С. 7–9.
45. ГАПО. Ф. Р. 2394. Оп. 1. Д. 1615.
46. Савин Ф. Торфоразработки ждут людей // Красная Мордовия. 1941. 19 февр.
47. Чемоданов П. А. Советский стахановец второй половины 1930-х годов как культурно-психологический тип // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2016. № 3 (65), ч. 1. С. 190–194.
48. Больше заботы об условиях работы // Пролетарский путь (Ульяновск). 1934. 10 июня.
49. ЦГАРМ. Ф. Р. 721 (Александровское торфяное хозяйство. 1939–1949). Оп. 1. Д. 5.
50. Чолахян В. А. Подготовка рабочих кадров в промышленности Нижнего Поволжья в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 3. С. 100–106.

Поступила в редакцию 17.01.2024; одобрена после рецензирования 22.01.2024; принята к публикации 10.02.2024
The article was submitted 17.01.2024; approved after reviewing 22.01.2024; accepted for publication 10.02.2024